

LVIII выпуск

Биографическая справка

Георгий Семенович Виноградов в 1920-е годы вместе с М.К. Азадовским создал в Иркутском университете крупнейший научный центр этнографии, фольклористики и краеведения. Издал многочисленные книги и статьи о детском словесном творчестве, детских играх, детском календаре. Занимался внедрением фольклора и этнографических знаний в школе (брошюра «Этнография в курсе школьного краеведения», статья «Детский фольклор в школьном курсе словесности» // Родной язык в школе. 1927. № 2).

В 1929 г. — год «великого перелома» — Г.С. Виноградов был из Иркутского университета изгнан. Переехал в Ленинград, но так и не получил там постоянной работы. Существовал на гонорары от разовых лекций и комментаторской работы для академических собраний сочинений Гоголя и Лермонтова, трудился над вторым и третьим томами будущего 17-томного «Словаря современного русского литературного языка». В 1942 г., едва выхоженный врачами блокадного профилактория, был выслан (!) НКВД в Углич, где не было никаких условий для научной работы.

В год Победы ВАК после 10 лет проволочек присвоил Виноградову докторскую степень, ученый смог вернуться в Ленинград. Но силы были подорваны, и 17 июля 1945 г. Г.С. Виноградов скончался. Некролог, написанный главным редактором академического словаря В.И. Чернышевым в печать не пропустили. Возрождение имени и наследия Виноградова началось в годы перестройки. Изданы избранные труды: *Виноградов Г.С.* Страна детей. СПб., 1998.

С.Г.

Г.С. ВИНОГРАДОВ

ДЕТСКИЕ ТАЙНЫЕ ЯЗЫКИ

Краткий очерк

В непродолжительной истории каждого детского поколения наблюдатель подмечает тот же триединый процесс, который устанавливает мыслитель для истории каждого народа и государства. Быт детей лет до семи характеризуется всеми главными признаками «первоначальной простоты»: в нем много неустойчивого, бесформенного, в нем много подражательности. Период лет от семи до двенадцати-тринадцати характеризуется наибольшей самобытностью, напором сил, яркостью; это — период «цветения и цветущей сложности». Затем наступает третий период, — «период вторичной простоты» с его разрозненностью, вялостью, неуверенностью, неустойчивостью.

Бесспорно, что это (как, вероятно, и всякое другое) деление детского возраста на периоды в большой или малой мере условно, но оно полезно при попытках выделить наиболее интересный для наблюдателя возраст; к тому же оно не находится в противоречии со специальными исследованиями периодов человеческой жизни.

Самый интересный, яркий и содержательный — второй период. Вторая половина, особенно конец его, характеризуется развитием у детей «хорового начала», общественной жизни, уходом их в жизнь своей среды, настоящим *обособлением* от жизни и быта взрослых. Свои игры и свои обычаи, свое право и своя общественность, свой фольклор и свой язык — вот что обособляет детей в периоде «цветения и цветущей сложности» от мира взрослых.

Обособленность лишней раз (и, может быть, с большей убедительностью) подчеркивается стремлением детей к созданию языка, который давал бы возможность полнее и в то же время неприметнее для взрослых осуществлять планы, задачи и стремления, связанные с их общественной жизнью.

Этим задачам чаще всего отвечает какой-нибудь искусственный язык, являющийся не только средством общения между членами языковой группы, но и могущий служить целям *сокрытия*

тайны от посторонних, непосвященных — прежде всего от взрослых и уж во вторую очередь — от малышей.

Какие тайны детских сообществ или групп охраняются от взрослых и малышей и почему?

Обладание тайным языком не всегда предполагает у носителей этого языка наличие подлинно тайной организации.

Тайные сообщества, вполне оправдывающие такое название, встречаются в детской среде довольно редко. К ним можно отнести организации, ставящие себе «преступные» цели лишь время от времени и выполняющие их, так сказать, *между прочим* (кража из огородов, из конопляников), и с полным основанием — более постоянные ассоциации малолетних преступников, спаянных воровством как профессией.

В большей же части детские временные или постоянные ассоциации лишь с известной долей условности могут называться тайными. Они окружаются некоторой таинственностью из подражания образцам (разбойники, индейцы), из необходимости обезопасить себя от насмешек взрослых и вообще людей, чужих по настроениям и интересам, из стремления быть или казаться интересными, необыкновенными, из желания «держать факон» перед малышами, возбуждая их восхищение и плохо скрываемую зависть.

И здесь сила потребности становится силой творчества. Нужда в непонятном для непосвященных средстве общения через слово рождает *тайные языки*.

Различные виды и разновидности детских *тайных языков* распространены довольно широко, особенно в городах и больших селах.

Степени их распространенности не вполне соответствует степень интереса к ним и знакомства с ними. Правда, детский *argot* пользуется вниманием новых *беллетристов*, авторов брошюр о беспризорных детях, но блатной язык — не самый распространенный и далеко не единственный в обиходе детских масс. О других детских языках (если не иметь в виду работу Д.К. Зеленина об языке семинаристов) мы встречаем только упоминания и беглые характеристики их.

Такое положение дела оправдывает мое намерение опубликовать краткое описание некоторых из тайных детских языков, сделанное на основании имеющихся в моем распоряжении материалов, собранных в разных местах Восточной Сибири, на Амуре (Зея и Благовещенск), в Забайкалье (Чита и Маккавеево), в Иркутской губернии (Иркутск, Тулун и др.), в Енисейской губернии (Красноярск, Енисейск); некоторые записи относятся к Томской губернии.

Недочеты моего сборничка ясны каждому. Он, конечно, не вмещает всех материалов, которые

можно было бы собрать в указанных провинциях; данное мною описание не отмечено следами трудолюбного изучения детских языков; оно сделано кратко и схематично и, возможно, с допущением ошибок. Если последуют желательные дополнения и необходимые исправления, то это и будет как раз то самое важное, на что мне хотелось бы надеяться. Таким путем создастся удовлетворительное собрание материалов, обеспечивающее возможность изучения детских языков.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ

Заумный язык

1. Взрослые в своем языке часто не имеют слов, которые обозначали бы предметы детского повседневного обихода, понятия, связанные с детским общественным бытом, не имеют они, как кажется, и слов для выражения детских настроений, переживаний, вообще духовной жизни детей. Видимо, общеупотребительный материнский язык в том составе и виде (с ограниченным запасом слов, их оттенков, оборотов), в каком он доступен детям интересующего нас возраста, не настолько богат, чтобы им можно было ограничиться, выражая мысли и многообразные настроения и ощущения. Не отсюда ли создание новых слов, насыщенных своеобразным смысловым или эмоциональным содержанием, — *слов заумных и речи заумной*?

Любование звуками слова и сочетаниями их свойственно детям. В речи взрослых они не всегда находят радующие их звуки в таком изобилии, как в своей заумной речи. Отсюда неудовлетворенность обыденным языком социальной среды и поиски если не во всем нового, то необычного, — того, что взрослые назовут «коверканием» обычного языка, *искусственным языком*.

Элементы, делающие искусственный язык *тайным языком*, улавливаются в разговорном заумном языке детей и подростков.

Детская заумная речь не всегда переводима на обычный язык и всегда — неповторима. Чтобы заинтересовать кого-либо («для форсу») или с целью привлечь к себе внимание, в группе детей импровизируется непонятный для окружающих разговор, дразнящий страсть и возбуждающий зависть непосвященных. В одних случаях говорящие на новом языке совершенно не понимают друг друга, и даже каждый говорящий не знает того, что он говорит, ведя совершенно заумную речь; от живой речи в ней только и остается, что звуки да утрированно-выразительная интонация. Внешняя сторона тайного языка здесь в наличии: сокрытие истинных намерений, которое здесь можно наблюдать, — один из признаков тайного языка.

С теми же целями создается речь из каких угодно слов какого-нибудь иностранного языка; в сравнительно недавнее время читинские, иркутские и, вероятно, другие бурсаки-подростки нередко пользовались этим видом заумной речи.

Один произносит на греческом языке (он был в таких случаях самым употребительным) отдельные фразы из Кюнеровой грамматики или Ксенофонта Анабазиса, другой поучает, что когда говорят старшие, то юноши должны молчать, иной, с трудом удерживая смех, говорит о гибели священной Трои, древнего Приама и его народа-копыеносца... Каждый участник «разговора» понимает все слова и все фразы, но, по существу дела, никто ни с кем не разговаривает (т.е. не общается через слово), — ведется та же заумная речь; эффект получается такой же, как и в предыдущем случае.

В заумном языке можно видеть только *элементы* тайных языков. Подлинные тайные языки, наблюдаемые у детей, распадаются на несколько групп.

Языки из основы и уткá

2. Самую большую группу образуют языки, которые создаются на основе общеупотребительного языка взрослых путем включения в нее (основу) искусственно составленных добавлений в виде слогов или заумных слов.

Элементы общеупотребительного языка здесь будут названы *основой*, а искусственно образованные включения и наставки — искусственным же термином *уткóк*. Некоторое оправдание использования этого не вполне удачного названия нахожу во внешней аналогии между переплетением разных элементов, образующих детский искусственный язык, и процессом тканья, где *утóк* «идет поперек основы и перебором образует ткань». Вводные или наставные слоги, расчлняя привычные

слова на приблизительно равные части и размещаясь между ними, окрашивают их своими доминирующими звуками; чередуясь с этими частями, часто повторяющиеся одни и те же вводные или наставные слоги придают речи на этом языке звучность, иногда — ритмичность, — звуковую орнаментику, подобно тому как окрашенные нитки уткá, вплетаясь в нити основы, дают рисунок.

В порядке увеличения узоров уткá надлежит рассмотреть а) языки, построенные на вплетении между слогами основы одного слога уткá (для краткости удобно назвать: языки с односложным уткóм), б) языки, образованные вставками между слогами основы двух слогов уткá (кратко: языки с двусложным уткóм), в) языки с многосложным уткóм.

Языки с односложным уткóм

3. *Язык на то*. Наиболее простым и потому весьма распространенным приходится считать язык, который образован путем включения между слогами (сказать иначе — после каждого слога) основы одного слога уткá. В Енисейске лет 25 назад, в других местах и теперь уток составлялся из слога или частицы *то*.

Пример: *Шуртокато котогдато метонято спротосятто тыто подтоскато зытовайто* (Шурка, когда меня спросят, ты подсказывай).

Однообразное повторение частицы *то* привлекает к себе внимание слушающих и отвлекает от смысловых слогов основы; так достигается главная цель пользования этим языком — сокрытие тайны от непосвященных. Надежным показателем полного овладения этим языком служит умение говорить без длинных пауз и при том быстро: это и полезно, потому что служит той же цели оберегания тайны, и красиво.

4. *Тутни-язык*. Этот язык занесен в Иркутск, в одно из детских обществ, где были мальчики и девочки, лет 10–12 назад заботливостью книгоиздательства Сытина, *выпустившего* на русском языке книгу *Сэттона-Томпсона* — «Юные дикари». В 8-й главе первой части говорится об этом языке: Мальчуган говорил на особом языке, который он называл *тутни*... Язык тутни заключался в том, что во всех словах гласные оставались без изменения, а согласные удваивались, и между ними вставлялось *у*. Так *б* превращалось в *буб*, *д* в *дуд*, *м* в *мум* и т.д. Например, слово *мум-о-лул-чуч-и* означало — молчи.

Этот заимствованный небольшой группой детей и подростков язык употреблялся не столько в обыденной жизни детской языковой общины, состоявшей из 6–8 человек (мальчики и девочки), сколько при игре в индейцев.

Тутни не подвергался каким-либо изменениям — может быть, потому, что он был не единственным языком, которым владела описываемая община. Может быть, относительно лексики нужно сделать незначительную оговорку. Лексика обогащалась заимствованными словами — почти исключительно «индейскими», идущими в детскую среду через книжку Лонга «На крайнем севере», через «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. Такого происхождения были, напр., слова: *Эймилос* — лисица, *Мувин* — медведь, *Пиквам* — черная куница и др. (это — слова-прозвища); *холумед* — трубка мира; *коммузи* — хижина и др. Как слова, заимствованные с иностранного, они не подвергались изменениям. К тому же они и без того не были понятны врагам — взрослым и вообще непосвященным.

Если тутни не подвергся изменениям, то послужил некоторым образцом при образовании новых тайных языков, надобность в которых, несомненно, была: тутни не считался легким языком для всех членов языковой общины, включавшей детей и подростков от 8 до 15–16 лет, т.е. людей неравных сил.

5. Трудно отказаться от предположения, что довольно распространенный язык *зутни* не создан (в той же группе) по образцу и подобию тутни: не только схожесть названия, но и принцип построения языка склоняет к такому подозрению. Построение его таково: каждая гласная произносимого слова повторяется два раза, а в середину вставляется согласный *з*; говоря иначе, после каждого слога основы прибавляется короткий слог *утка́*, состоящий из согласного *з* и гласной слога основы.

Пример: *Язя́ зназа́ юзю́ чтозо́ тозо́* (я знаю что-то). *Позо́ йдэзо́м наза́ созо́ лнызы́ шкозо́* (пойдем на солнышко).

Всюду соблюдается закон гармонии гласных. Разделение на слоги подчиняется требованиям удобства произношения (ср. *позо-йдезем* и др.). Ударение, если каждую образующуюся пару слогов принимать за слово (как это делают иногда представители данной языковой группы), падает на вторую гласную; если же о слове говорить в общепринятом смысле, то приходится сказать, что слова этого языка несут несколько (по числу слогов *утка́*) ударений.

Из всех языков, употреблявшихся (и употребляющихся в нынешних детских группах) при игре в индейцев, *зутни* — самый употребительный, — может быть, потому, что он приятно и необычно звучит и, звеня своим неустанным *з*, подсказывает ребятам-индейцам больше того, что подслушал, взяв свою «детскую азбуку, малый букварь», Бальмонт. Может быть, потому он и кажется ребятам легче, чем *тутни*. Только в слу-

чаях необходимости поступаются на время этим языком. Иногда это было (и, видимо, бывает) нужно для того, чтобы «запутать», сбить с толку выслеживающих непосвященных, начинающих вслушиваться в разговор; иногда это вызывалось ходом игры-импровизации, когда одной группе участников нужно чем-нибудь отделиться, обособиться от другой. Хотя вариант языка, или, лучше сказать, диалект, был всем понятен, цель достигалась: получалось видимое отчуждение, обособление групп.

Образование диалекта достигалось заменой *з* на какой-нибудь другой согласный, напр., *ф*. Тогда речь звучит примерно так: *Афамуфур рафазлифи вафафетсяфа* (Амур разливается).

Среди иркутских школьников и теперь есть группы, говорящие на *зутни*, меняя *з* на *к*: *секевокодняяк укурокк физикикикики* (сегодня урок физики).

6. **Язык вахара.** После каждого слога основы прибавляется последовательно один из трех слогов *утка́*: *ва, ха, ра*.

Вовадаха горарявачахаяра (вода горячая). *Левад хохалорадныйва* (лед холодный).

Слова разбиваются по слуху, а не «по грамматике» (между прочим, это дает возможность усвоить языки неграмотным); отсюда вместо ожидаемого *ледва* находим *левад* (лед), *вм. лёдра* и *ныйва — лора дныйва*. Вообще и в этом языке допустимы отступления, вызываемые требованиями удобства, и возможны обмолвки при быстром произношении; так, фраза «лед холодный» может быть произнесена, напр., так: *левад хохалорадныйва*.

Употреблялся этот язык в последнем десятилетии прошлого столетия в красноярском духовном училище.

Языки с двусложным уткoм

7. **Язык фита.** Строение его тоже не сложное: каждый слог основы отделяется от следующего двумя слогами *утка*.

Образец: *Тыфита куфита дафита пофита шлафита?* (ты куда пошла).

В акающих говорах, как у старожилков Иркутска, особенно у неграмотных ребят, эта фраза звучит так: *тыфита куфита дыфита пафита шлафита?*

Ударение на каждом слоге основы, или (что то же) на первом слоге слов языка *фита*. История изобретения языка *фита* неизвестна. В Иркутске несколько лет назад это был тайный язык «разбойничьей шайки» (в тридцать человек) мальчуганов 8–12-летнего возраста.

Известен этот язык и детворе Томска, у девочек здесь он несколько сложнее.

8. Так же образован **язык драга**, отмеченный в Зее (Приморье).

Видимо, всем известное в этой местности зотоискательское слово *драга* использовано в качестве утка при образовании тайного языка.

Пример: *Ка́драга вьдра́га по́драга жы́драга ва́драга ете́драга?* — *Лу́драга чшедра́га не́драга ку́драга да́драга* (Как вы поживаете? — Лучше некуда).

Точность в разделении слов на слоги, особенно в окончаниях, не является обязательной (см. *етедрага*). Ударение ставится на слоге, непосредственно предшествующем утку; каждое слово несет несколько (по числу слов) ударений.

Говорят на этом языке очень быстро, так что смысловый элемент затирается, и слух непосвященных воспринимает только заузное (для данного случая) слово *драга*. Малыши этим языком не пользуются: требуемая основными целями быстрота произношения им непосильна.

9. **Язык шицы** ничем существенным не отличается от только что описанного. Пример: *пришицы хошицы дишицы сешицы гошицы дняшицы вешицы чешицы ромшицы бушицы демшицы игшицы ратьшицы* (приходи сегодня вечером, будем играть).

Замечания о разделении слов на слоги, об ударении, способе использования, сделанные относительно **языка драга**, следует распространить и на **язык шицы**.

10. **Язык фара**. Он построен на вплетении двух слогов утка, размещенных между всеми слогами основы. Гласный каждого слога утраивается, связываясь поочередно с согласными *ф* и *р*. Пример: *Офорот прафарав ляфяряй тефересь нафара уфуру шафара кофоров куфуру* (отправляйтесь на Ушаковку).

Если в слоге основы два согласных, слоги утка вставляются в середину — после гласной, а согласный приставляется в конце (напр.: *неферет* — нет). Ударение ставится на каждом третьем слоге от начала. Лет 20 назад этот язык был достоянием небольшой (три человека — 10 лет и моложе) детской языковой общины (село Тельма Иркутской губ.); теперь им пользуются более многочисленные группы детей.

Пользуясь этими языками, русские дети словно переключаются с иноязычными детьми на восточном берегу Южной Африки, которые также создают секретный язык путем прибавления к начальному слогу основы частицы **lande**, с детьми вадшага, которые вставляют в середину каждого слова частицу *ngala: kitabu* (в выражении *iosoma kitabu* — мы читаем?), напр., произносится как *kitangalabu*.

Языки с многосложным утком

11. **Язык ведива**, или *вампа*. Самый сложный по числу слогов утка, вплетающихся в ткань основы, язык. К каждому слогу основы или (сравни-

тельно редко) к многосложному концу слова прибавляется звучное сочетание восьми слогов *ведива* — *ведивампампа*; при этом соблюдается гармония гласных: ударенные гласные утка подчиняются гласной слога основы или ударенному гласному концу слова; например:

Ждаведива-ведивампампа ливедива-ведивампампа Льваведива-ведивампампа Геведиве-ведивампампе оргиевича-ведиворгиевича-ведивампампоргиевича, даведива-ведивампампа естведивесть-ведивампампесь заведива-ведивампампа хотели-ведиве и т.д. (ждали Льва Георгиевича, да есть захотели).

Этот довольно трудный язык наблюдается главным образом, если не исключительно, в обществе девочек.

12. Есть языки более сложного образования, получающиеся соединением утков двух языков, напр., языка *фита* и *ведива*. Пример: *Ждафита-ведива-фита-ведивампампа-фита лифита-ведифита-ведивампампи-фита* (ждали).

Подобного рода языки употребляются редко и почти всегда в небольших группах девочек. К комбинированным можно отнести и «индейские» языки.

Языки с приставными слогами

Определенную группу составляют тайные языки другого образования, когда слоги утка *приставляются впереди* слогов основы. Наиболее распространенными оказываются языки *на вер*, *на о*, *на бер*, *на ши* и *щи* и пр.

13. **Язык на вер**. В принятом словоупотреблении: говорить *на вер*. Образец (Чита, курорт Макавеево): *Верья верно вермню верчуд верно верье вермгно верве вернье* (я помню чудное мгновенье).

В произношении некоторых отделения гласного в «словах» *верья* и *вернье* нет; читается: *веря*; *верне*. Ударение на каждом слоге основы.

В Рабочей Слободе Иркутска дети и подростки (главным образом мальчуганы 8–16 лет) говорят *на бер*; например: *берты берду беррак* (ты дурак),

14. **Язык на о**. В обычном словоупотреблении: говорить *на о*. Пример (Тулуи и мн. др. места):

Онэ откó ормить окó оня озá омá орён окó — не откормить коня замороженного. Ударение на каждом слоге основы. Уступка требованиям удобства и благозвучия: *вм*. последовательного *оот око* (во втором слове приведенной фразы) находим *отко*.

Язык на ши или *на ша* (говорить *на ши* или *на ша*). Пример: *щиты́ щикү щидá щипо́ щишо́л?* Или: *шаты́ шаку́ шадá шапо́ шашо́л?* (Ты куда пошел?). При желании усложнить язык используют тот и другой приставной слог, заставив их чередоваться; тогда приведенная фраза будет звучать так: *щиты шаку щидá шапо щишо́л?*

Ударение на каждом слоге основы.

В 1918–1926 гг. все варианты этого языка были в большом употреблении среди учащихся и подростков (8–16 лет) в Тулуне, Иркутской губернии; не умер этот язык там и теперь.

16. Язык на щипа. Пример: щипай щипапой щипаду щипадё щипамой (я пойду домой).

Разделение на слоги, как часто бывает в детских языках, не всегда «по грамматике» (этим, как и другим, языком пользуются часто и неграмотные), а так, как удобнее для произношения; напр., в одних случаях слово *пойди* разложится на слоги так, как только что показано (*щипапой щипаду*), в других иначе: *щипапо щипайду*.

Ударение ставится или на первом слоге утка, или — гораздо чаще — на каждом слоге основы.

Распространен у ребят (главным образом мальчиков 8–16 лет) в Рабочей Слободе в Иркутске. Впрочем, маленький люд (около 10 л.) предпочитает говорить на *о*, особенно на *бер*.

17. Индейский язык соединяет в себе черты языков обеих охарактеризованных групп. Одни элементы его утка оказываются в положении приставных слогов, другие следуют после слогов основы. Пользующиеся этим языком каждый звук произносят как название буквы: а, бэ, вэ... эл, эм и т.д.; пример: *эстэол эсэлоэмаэля* (стол сломался).

Ударение делается произвольно; неизменно оно ставится, кажется, только перед паузой, необходимой для передышки при быстром произношении. Неторопливое произношение и стремление замаскировать смысловые элементы слов, закрыв их обилием гласных, в частности непрерывным э, влечет к увеличению числа ударений. Пэошаэли бэы вэ элэс дэа пэогэбдэ пээлохэя (пошли бы в лес, да погода плохая).

Уступки удобства произношения и требованиям благозвучия наблюдаются и в этом языке: напр., замена в слове пээлохэя *ха* на *хэ* должна быть объяснена именно как такая уступка.

Индейский язык наряду с другими употреблялся преимущественно при игре в индейцев, никакого названия не имел (здесь назван индейским как имевший преимущества в указанной игре). Появление индейского языка в одной языковой группе было вызвано надобностью в языке, которого не понимали бы младшие члены. Один из старших членов группы (14–15-летний гимназист) после поисков и размышлений нашел выход из затруднения, изобрел («придумал») этот язык — довольно неудобный и трудный; впрочем, эти минусы искупались тем, что язык достигал своей цели, и тем, что он был совсем необычный. К тому же изобретатель был авторитетнейшим членом группы: самым сильным, самым ловким, самым ученым и — главное — знал себе цену. Как бы то ни было, среди старших членов группы язык привился.

Языки с меной окончания основы

18. Язык *фарты* (или *харты*). К каждому односложному или двусложному слову прибавляется окончание *фарты* (или *харты*); в словах многосложных отбрасывается обычное окончание основы и заменяется тем же двусложным *фарты*.

Пример: *Яфарты пофарты гуляфарты* (я пойду гулять). Впрочем, это правило имеет немало исключений, характер которых можно показать на таком примере: *Жифарты старифарты со старуфарты у сафарты сифарты мофарты* (жили старик со старухой у самого синего моря). В последних трех словах делается уступка удобству произношения, может быть, в ущерб понятности, отсекается и заменяется не только окончание, но и часть корня. Вследствие этого не всегда можно различить времена глаголов и пр. Говорение (использование языка) неграмотных отличается тем, что они предлог со следующим словом не разъединяют (состаруфарты). Ударение падает на слог, стоящий непосредственно перед уткóм.

Язык *фарты* (в Иркутске) в игре почти не употребляется; это — язык или деловой (в одних случаях), или служит для забавы — особенно у малых детей (моложе 10–8 лет), которым он дается без большого труда.

19. Так же образован язык *харки* (Тулун и окрестности). Образец: *Чехарки тыхарки мнехарки говорихарки? Яхарки совсехарки непонимахарки тебяхарки* (Что ты мне говоришь? Я совсем не понимаю тебя).

Все замечания, касающиеся ударения, отступлений от правил, некоторых удобств говорения неграмотных и использования языка *фарты* целиком можно повторить применительно к **языку харки**.

Язык этот давнего происхождения: по свидетельству Е.А. В-вой, шестьдесят и более лет назад

шабартинские ребята, сплошь неграмотные, говорили, несмотря на запрещения взрослых, на этом языке. Он называется в некоторых местах *тарабарским*.

20. Близок к нему язык *гарги*. Он сложен по тем же правилам, что и предыдущий: к каждому односложному или двусложному слову или к корню (тоже не строго различаемому) слов многосложных прибавляется утók *гарги*; различие состоит в том, что вторая гласная уткá находится в подчинении (не всегда строгом) у ударенной гласной основы.

Ты́гарги смотри́гарги! (ты смотри!). Или (из частушки, распеваемой в Тулуне): Ты́гарги моёгорго сердёгорго (ты мое сердечко).

Употребляется и в детской переписке (в «записочках» при «ранних всходах»).

21. К этой группе должно отнести язык *енци*, распространенный лет 25 назад в Енисейске вместе с другими языками.

Пример: Сегодénци будёмци читénци и переводénци Парашénци Сибириенци (или Сиби́рэнци) (сегодня будем читать и переводить Парашу Сиби́рячку). Начало крыловской басни о поваре-грамотее произносится так:

Какенци поваренци грамотенци с поваренци убеженци своенци, а доменци стереженци от мышенци котенци оставенци.

22. К этой же группе следует причислить подражательный язык, образуемый переменой окончаний обычных слов на «французские».

Пример: Шантón це́лебрón лагула́р даши́ль (Антон серебро на бульвар ташил).

Ударения, конечно, на последнем слоге каждого слова.

Этот язык (некоторое время применявшийся в небольшой группе сельских школьников в Тулуне лет около 30 назад) был подхвачен из какого-то сборника детских пьес.

Языки с перестановкой звуков из основы в утók

23. Язык *шоцы* (звучит в иных местах и тарабарским). Образован таким образом: после слова, если оно немногосложно, или первого слога основы, или вообще какой-либо части слова прибавляется двусложный утók, содержащий частицу *цы*; при этом, если слог основы начинается с согласной, то она, заменяясь звуком *ш*, переходит в утók и дает начало первому его слогу (вилка — шилкавицы, ножик — шожикноцы и т.п.). Если слог основы начинается гласной, то к нему спереди подставляется *ш* (я — шаяцы). Соблюдается гармония гласных.

Шайдацы шилкувицы и шожикноцы шожалуйстапоцы (дай вилку и ножик, пожалуйста).

Шаяцы шичегоницы шепонимаюницы шопоцы шраеведенью крацы (я ничего не понимаю по краеведению).

Правила здесь не весьма строги, особенно в части, касающейся разделения слов основы на слоги. Они разнятся, видимо, по местам, т.е. в разных селах и городах.

Разновидность этого языка дают варианты, в которых звук основы меняется не у первого слога, а из середины слова (второй или третий слог). Так, гадалейский вариант языка (диалект) дает, напр., не *шарелка-тацы*, как было бы в только что описанном варианте, а *ташелка-рецы* (тарелка).

История создания гадалейского диалекта в коротких словах такова.

Необходимость создать непонятный взрослым язык внесла несколько новых слов в лексику мальчуганов. Взрослые — вне закона; сделать «налет» на огород не считается в детских организациях предосудительным. Важно не «влопаться». Сделать налет на огород обозначалось словом *шестоплавить*; были и другие слова. Кто-то приезжий привез разработанный язык; он быстро (приблизительно в месяц) распространился под названием тарабарского. Вместо шестоплавить получилось шестопшавить-лацы и пр. Обыкновенную речь из уст ребят трудно было услышать.

Образец разговора: Пойшомте-дэцы, решáтабьяцы шестопшáвить-лацы в огошод-роцы к Гафашиловым-йцы; шам-тацы шесть-ецы шоченьвоцы шобрые-доцы огушечки-рецы, а саша-мацы шотка-тёцы Шарья-мацы ушехала-ецы на зашимку-ицы.

Перевод: Пойдемте, ребята, шестоплавить в огород Гафаиловым; там есть очень хорошие огуречики (огурчики), а сама тетка Марья уехала на заимку.

Ударений два: на слоге основы и первом слоге уткá.

На этом языке ребята пробовали сочинять частушки; одна начиналась словами:

Сашет-пляцы шонь-коцы,
ишат-грацы гаршонь-моцы...

В переводе: Пляшет конь,
играт гармонь...

Пелись такие частушки (их сочинили с десятком) несколько иначе, чем обыкновенные; их исполнение было близко к речитативу.

Язык *шоцы* был и языком детской письменности. В записках писали слова — в целях достижения большей неясности — без малейшего отрыва, ничем не отделяя одно слово от другого.

Занесенный откуда-то язык в сравнительно короткий срок (2–3 года) потерпел некоторые изменения. Так, в заботах о благозвучии этого языка звук *ш*, имеющий большое значение, иногда

заменяется через *с*; произносится: *сашет-пляцы* (пляшет) вместо ожидаемого *шашет-пляцы*.

Для некоторых слов выработалось исключение; напр., признаком дурного знания языка в гадалейской языковой общине считалось, не говоря о неумении быстро говорить, пользование формами: *огушец-рецы* (огурец), *иша-збацы* (изба); тонкий знаток языка говорил: *огушечик-рецы* (огуречик), *шизбачка-ицы* (избачка).

Группа этих слов была очень невелика. Слово *шорошо-хоцы* (хорошо) было вытеснено словом *добшо-роцы*, *шобрые-доцы* (добро, хорошие).

В числе преобразователей этого языка был двенадцатилетний весьма способный дерзкий на руку и язык мальчуган гадалец.

Услышав впервые непонятную речь от сверстников, он не встретил со стороны владевших языком готовности научить его и усвоил язык только в результате упорного подслушивания в продолжение двух или трех недель.

Во все это время он был фактически отстранен от общественной жизни, изолирован от наиболее интересных иноязычных групп односельчан, а они, гордые знанием языка, были недоступны и разжигали любопытство. Ключом для него послужило не раз слышанное и в конце концов понятое им как свое имя: *Шаська-вацы*.

Овладев затем быстро языком, он был распространителем его за пределы Гадалея (Шарагул, Тулун).

Пользование этим языком в Гадалее длилось в продолжение двух-трех лет. Стоило только взрослым научиться понимать «тарабарскую речь», и он был оставлен как не достигающий цели.

Оборотные, или обратные, языки

24. Они, есть поводы думать, возникали не один раз в разных местах, в различных языковых общинах, независимо от взаимных влияний.

В последнем десятилетии прошлого века (вероятно, и раньше) красноярские бурсаки пользовались языком, который назывался *сзадү наперед*.

Пример: *Ялпац, йад енм йерахус — Цапля (прозвище), дай мне сухарей.*

Несколько позднее группа подростков в Иркутске с легкой руки пьяного человека, который в рассказе Аверченко говорит два слова: *обисапс* и *онвабаз* (спасибо и забавно), стали говорить языком *сзадү наперед*, назвав его *оборотным языком*. Образец: *йад жон — дай нож*. В недавнее время одна детская группа (в Иркутске) стала исполнять на этом языке издевку:

Аклёк аклоким в епож аклоги тисс тидреп оселок титрев.

В согласии с акающим говором взрослой среды перенятые слова звучат как *абисапс*, *анвабас*; звук *з*, ушедший в конец слова, естественно перешел в *с*.

В некоторых языковых группах строгая перестановка звуков «сзадү наперед» нарушается, приносится в жертву удобству произношения и благозвучию; так, вместо ожидаемого по правилу неудобнопроизносимого *отч* (что) практика дает изящное *точ*.

25. Более сложный оборотный язык строится по другому принципу. Каждое слово делят на две части (приблизительно по равному количеству слогов в каждой) и меняют их местами; односложные слова изменяются путем перестановки звуков.

Пример: *Сяв́а ыт диприх́о мнеко́* (Вася, ты приходи ко мне).

Ударение ставится произвольно; чаще на последнем слоге. Предлоги редко отделяются от слов, с которыми они связаны (ср. *мнеко* — ко мне).

Язык в широком употреблении: на нем не только ведутся разговоры, но и поются песни, в частности частушки.

Иногда описанные разновидности оборотных языков вступают в различные комбинации, создавая сложные образования.

И опять мы видим словно переключку русских детей с детьми кафров, которые тоже меняют порядок слогов, ставя один на место другого, и с детьми негров вадшагга, переставляющими слоги слов: *losoma kitabu* (мы читаем?) звучит у них как *maloso bukita*.

Тарабарский язык

26. Несколько раз было здесь отмечено, что некоторые из искусственных детских языков называются в детской среде тарабарскими. Приходится думать, что это название — результат наслышки о существовании какого-то непонятного, тайного языка; может быть, в отдельных случаях название это было подсказано и закрепилось в детской среде насмешками взрослых, осудительно относящихся к детским разговорам на искусственных языках, как к пустой болтовне:

Тара́-бара́,
вчера́ была,
се́дни не пришла...

Чаще тарабарским называется в среде детей и подростков весьма широко распространенный язык, в основе которого лежит замена десяти согласных, идущих от начала русского алфавита, согласными, идущими от конца его, при полной неприкосновенности гласных:

первый ряд: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н;
второй ряд: щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

Примеры: камашамлтий яфит (тарабарский язык).

Описанные в § 1–25 искусственные языки не оказываются нужными взрослым людям, не перенимаются ими; это подлинно *детские языки*. Тарабарский занимает особое место.

Тарабарский язык, созданный средой взрослых, существующий едва ли менее полутысячелетия, может быть отнесен к детским тайным языкам только по одному признаку: он *усвоен* детской средой, перенят ею; но он не ушел окончательно из среды взрослых, создавшей его.

В детскую среду он проник, надо думать, тоже через книгу. В моих материалах по детскому языку имеется такая запись: «Мы в детстве охотно говорили на тарабарском языке, который вывезли из бурсы мои дяди. Они взяли его у Мельникова-Печерского из романа “В лесах”. В свое время имели большой спрос среди читателей и “Исторические очерки поповщины” этого автора, где дается ключ к тарабарскому языку и образцы разговоров».

Детский блатной язык (argot)

27. При слабой у нас изученности блатных языков взрослых — языков, испытавших на себе различные воздействия, вобравших самые разнообразные слова из многих языков, — и почти полном отсутствии хорошо и полно собранных мате-

риалов по детскому argot теперь невозможно в каждом отдельном случае с уверенностью говорить, имеем ли мы дело с тайным языком *детским*, т.е. употребляющимся только в детской среде, или мы имеем дело с языком общим для детей и взрослых; трудно также в каждом отдельном случае судить об источнике, влияниях, заимствованиях, перелицовках и пр. По аналогии с некоторыми другими здесь описанными языками можно думать, что ходовые книги, как «Сахалин» Чехова, «Сахалин» Дорошевича, «Киевские типы» Куприна, новая беллетристика, затем — газеты последних годов не прошли бесследно и — посредственно или непосредственно — способствовали проникновению блатного языка взрослых в детскую среду.

Разные ветви блатного языка надо уследить наблюдателю: argot внешкольных детских сообществ (беспризорники и др.), argot сообществ школьников (питомцы детских домов и др.), argot, растворяющийся в обыкновенной речи, т.е. теряющий основное свое свойство — быть тайным, и пр.

Материалом, заполняющим некоторую часть первого из перечисленных отделов, может служить небольшой словарь, составленный беспризорным из дома для дефективных детей в Сызрани (1919–1920 гг.).

Ботать — разбалтывать, хвастать; **бóтало** — хвастун. **Брахлó** — ворованное. **Гореть** — попадаться в чем-либо. **Грубо́** — хорошо. **Жучек** — подозрительная личность. **Загнать в бутылочку** (в пузырек) — разозлить. **Загонять** — продавать. **Занáчка** — упрятывание денег. **Занáчить** — прятать. **Засыпаться** — попадаться в чем-либо, с чем-либо. **Зекить** — стоять смотреть. **Косать** — бить. **Ксива** — документ, паспорт. **Липовый ширмач** — помощник вора. **Плитовать** — бежать, скрываться. **Перенáчить** — перепрятать. **Перышко** — ножичек, которым вырезают карманы. **Понт**; **взять (поймать) на понт** — обмануть. **Сара, сармак** — деньги. **Семён** — тот, кого надо опасаться; сигнал: Семен! горит! плитуй! **Серьга** — замок. **Скула** — боковой карман. **Снимать** — наблюдать. **Собачка** — замок. **Стрем** — пост сторожевой. **Трекнуться** — догадаться. **Тырить** — прятать; **перетырить** — перепрятать; **перетырка** — путаница. **Ударить по ширме** — воровать. **Фраер** — имеющий кошелек. **Ховать** — есть. **Хрустать** — есть. **Червячек** — поезд. **Ширмач** — карманный вор. **Шмат** — penis. **Шмель** — кошелек. **Шпайка (шпалер то же)** — револьвер.

Из этих почти четырех десятков слов очень многие (хрустать, сара, грубо) находим в приводимом далее словаре сообщества школьников. По малому количеству слов, общих для двух групп, делать какие-либо заключения нельзя; к тому же второй список слов относится не только к другой социальной среде, но и к другой местности: слова

записаны наблюдателем весной 1924 года в Чите (Кузнечные Ряды) среди школьников.

Балтую – вору. **Вздыбить** – рассердить. **Всадка** – десятка, 10 рублей. **Выпытать** – просить. **Гришка** – гривенник. **Грубо** – хорошо; **живой грубняк** – хорошо. **Живая арка** (сарка?) – много денег. **Денёшка** – копейка. **Заявлять** – вызывать на драку, создавать повод к драке. **Зеть** – смотри. **Зудить** – сердить. **Зробить** – ударить. **Киса** (тиса) – кожаный кошелек (мешочек) с деньгами. **Копать** (канать?) – бежать; **конай** (канай) – беги; **откапывать** – убежать. **Комендант** (в местном произношении: камендант) – камень. **Колёсы** – калоши. **Курахан** – пять копеек, пятак; в воровском (у взрослых) – 5 рублей; ср. бурятское: *хуриһа* – маленький барашек. **Ляма** – хорошо; **ламик** – полтина; **ляmistый** – хороший. **Наум** – отец (еврейское); **наумиха** – мать. **Нагануха** – револьвер. **Пендель** – футбол. **Пегух** – пятак; в воровском – 5 рублей. **Поеланить** – побежать. **Позить** – курить. **Позырка** – подсмотреть, наблюдение; **позуркитать** – посмотреть. **Поросята** – патроны. **Саракот** – отец; от воровского сара (татарское сара – желтый, золото) – деньги, **кот** – живущий на средства проститутки; **саракотуха** – мать; **саракадум** – отец (сара – думать); **сарка** – деньги; **сармак** – деньги. **Сбодать** (сбондить) – украсть. **Свинка** – револьвер. **Синичка** – спичка. **Сирты** – карты; в воровском: **стирки** – карты со стертыми лишними «очками»; в **сирты лакшить** – играть в карты. **Сорак** (сорок?) – оставь окурки; **сорокни** – дай. **Сочка** – коробка из-под спичек. **Сухарь** – камень. **Тэрснуть** – ударить. **Фазанить** (и франзить) – курить. **Фас** – фасон (?); **на фас** – хорошо. **Фука пусить** – поджечь. **Хаска** – дом; от немецкого – через еврейский жаргон – Haus. **Хруст** – рубль. **Чирик** – четвертак.

Некоторая (большая) часть этих слов оказывается общей для языка взрослых и детей; есть в них и слова, не входящие в лексику взрослых.

В детских домах Иркутска находим некоторые из слов читинских школьников; находим и много новых. В Жилкинском детском доме известны, например: **зэк!** – будь осторожен (предупреждающий оклик); **заскаться** – влопаться, попасться. **Лягавить** – доносить. **Понт** – вранье (?); с **понту взять** (сказать) – соврал, с обману взял, провел, одурачил. **Скачек сделать** – выкрасть что-нибудь из кармана: «скачек сделал да и жил!». Дети другого дома, жившие нынче на даче в деревне Худяковой, употребляют многие из слов предыдущих списков, знают и некоторые новые. **Дербачить**, обдербачить – обехать: всю черемуху обдербачим. **Зыкать** – смотреть: я буду зыкать, как ты рисуешь. **Мент** – милиционер. **Плитовать** (плетовать?) – прибежать: потом плетовали, плетовали – приплетовали домой. **Оплеушить** – оборвать:

они одни ее (черемуху) оплеушат. **Скачэк** – воровство, кража: идешь сёдни на скачек? (воровать). **Шамалка** – хлеб, еда: дай-ка шамалки! **Шпай**, **шпайка** – оружие.

Многие слова тайного языка употребляются часто без всякой нужды оберегать какую-либо тайну; из последнего приведенного списка только два примера (слово «скачек» и, может быть, слово «мент») могут служить исключением, все остальные показывают если не разложение тайного языка, то растворение его в обыденном. Можно указать немало слов, которые употребляются в обычной детской речи. «Взял я **грубенький** камешок – и р-раз!..» – говорит одиннадцатилетний мальчик из пригородной деревни (Худякова под Иркутском). Довольный удачным ударом, он заключает: «вот это **грубо** вышло!». **Грубенький** – подходящий, ловконький; **грубо** – хорошо. Иркутские рабочедомские ребята говорят: «ты **арапа**-то не **заправляй!**» – не говори несурзностей, не неси околесицу, не ври. «О, да он – **заводной**-то какой!» – говорят о товарище, которого легко **завести**, т.е. вывести из терпения, раздражить.

Растворение блатного языка в языке повседневном отразилось на детской лексике, обогатив ее новыми элементами, о качественной стороне которых судить преждевременно.

НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

Описанные здесь языки составляют сравнительно малую долю всех, «имеющих хождение» в детских городских и сельских группах. Некоторое число их не вошло в мое настоящее описание по случайным причинам; в большом количестве они остаются недостаточно примеченными.

Почти все «школьные» способы скрывания истинного смысла речи прибавлением к слову или каждому слогу какого-нибудь «условного слога» (определение Поржезинского), или «разные коверкания языка у школьников» (по определению Томпсона), как и другие описанные способы взаимодействия через слово, дети и подростки называют *языком*. Но для каждого языка обычно нет определенного наименования; в жизненном обыходе языковой общины употребляется чаще всего описательное выражение, напр., «говорить *на бер*», «говорить *на шицы*» и т.п. (§ 3, 9, 13, 14, 15, 16); для некоторых, напр., *argot* (§ 27), нет никакого обозначения; сравнительно редко встречаются названия, напр., *тутни*, *зутни*, *оборотный*, *тарабарский* (§ 4, 5, 24, 25, 26).

Все описанные языки должны быть отнесены к *тайным* языкам: все они (некоторое исключение можно сделать для заумного языка) имеют целью сокрытие тайны. Правда, часто язык слу-

жит у малых детей и для забавы, но не они должны братья во внимание, а группы более старшего возраста, являющиеся если не создателями (§ 17) и не всегда преобразователями языка (§ 23), то хранителями, носителями его; в этих группах пользование языком имеет целью «скрывание смысла речи» (§ 3, 5 и др.); если в этих группах и наблюдаем *игру языком* (с целью ли обратить на себя внимание, или с целью заинтриговать кого-нибудь), то и в этих случаях общее положение не нарушается: заинтриговать можно только неожиданным, неизвестным, тайным.

Все эти языки, по Поржезинскому, — «естественные продукты общежития людей, и развиваются они на фоне обычных языков». Выделив детский заумный язык и *argot*, обо всех остальных описанных тайных языках можно сказать, что в них звуки, грамматический строй, значения слов, часто словарный состав — все сохраняется из обычного языка главной языковой общины (языка взрослых).

Три вида слов можно наблюдать в тайных детских языках. Заумные слова (§ 1) просты: они представляют один легко узнаваемый элемент — только словесный знак. Большая часть слов (§ 3–26) состоит из двух элементов — словесного знака и значения. В словах детского *argot* (§ 27) часто находим три элемента — словесный знак, значение и художественный образ.

Особенностями детских тайных языков, сходительно с повседневным общим языком, надо считать прежде всего способы словообразования: включение в «основу» слов односложных и многосложных частиц (§ 3, 4, 5 и мн. др.), замена окончаний (§ 18–22), перестановка звуков (§ 23, 26), склеивание разных слов (саракот, напр., § 27). В то время как обыкновенный язык, по-видимому, обнаруживает тенденцию к ограничению числа звуков в целях возможно широкого и быстрого общения, в тайных детских языках наблюдается противоположная тенденция — к увеличению (нагромождению) числа звуков в словах (§ 4, 5 и др.) в целях затруднить понимание языка для чужих и тем самым мешать его распространению.

Наряду с увеличением числа грамматических ударений и некоторой подчеркнутости их (§ 4, 5, 6, 7 и др.) во всех описанных языках (исключение составляют, не говоря о заумном, *argot* и тарбарский) наблюдается почти полное устранение смыслового (логического) ударения и заметное угасание эмоционального тона, которым сопровождается в обычном языке «передача понимаемого нами осмысленного содержания *сообщения*», по слову Шпета.

Приметной особенностью большей части языков является быстрое произношение и как следствие — сокращение пауз до возможного минимума.

Утрачивая в одном отношении, некоторые языки выигрывают в другом: напр., скопление гласных создает музыкальность языка (§ 4, 5, 10 и др.).

Очень редко удается установить, кто является творцом, изобретателем того или другого языка (в сделанном описании только в одном случае дается такое указание — § 17); немного чаще встречается возможность говорить о преобразовании языка и о преобразователях (см. § 4, 5, 23).

Носителями их являются преимущественно городские дети, как мальчики, так и девочки; если они наблюдаются у некоторых групп сельско-деревенской детворы, то, за редкими исключениями (§ 19), почти всегда можно установить воздействие — посредственное или непосредственное — города (§ 4, 22, 24, 26).

Возраст их — от 8 до 15 лет; в отдельных редких случаях можно говорить о пользовании тайными языками детей более младшего возраста, несколько чаще — подростков старше 15 лет. Период раннего детства, как и начало второго периода, видимо, не создает тех условий, которые вызывают появление тайного языка. В одних случаях, может быть, анатомические основы речи у детей недостаточны для овладения сложным языком и особенно манерой произношения. В других случаях, может быть, еще нет таких тайн, которые послужили бы толчком к усвоению тайного языка. Такое предположение поддается тем наблюдением, что ребята этого возраста, перенимая от старших тайный язык и пользуясь им как тайным при общении со старшими, в своем кругу, в кругу однолеток, пользуются им только для развлечения, ради забавы.

Превращаясь в средство для забавы, такой язык теряет свое основное свойство, т.е. перестает быть тайным; поэтому ребята постарше иногда изобретают особый язык, недоступный малышам (§ 17).

В городе или районе, на территории школы существует несколько языковых общин; каждой желательно иметь свой тайный язык; обыкновенно каждая община владеет не одним языком; один из них — в роли эсперанто, употребляющийся для сношения с другими языковыми группами. Иногда группа девочек имеет свой тайный язык, который не должны понимать мальчики; к нему они прибегают в случаях необходимости обменяться между собою словом в обществе мальчиков.

Большая часть описанных тайных языков сравнительно легко дается и неграмотным членам языковых групп (§ 4, 19 и др.). Разница между грамотными и неграмотными в границах языковой группы заключается в том, что господствующий в определенной провинции говор (акающий или окающий) у неграмотных выступает заметно, в то время как члены языковой общины, отягощенные школьной грамматической эрудицией,

гласные, а иной раз и согласные, звуки произносятся «по-книжному» (§ 7, 16, 18); стоит отметить также большую свободу неграмотных в разделении слов на слоги (§ 16, 18 и др.).

Изобретение нового языка — дело, надо думать, далеко не повседневное. Обычно язык получается, как культурное наследство, младшими товарищами от старших. Но унаследованный язык, как сказано, иногда творчески перерабатывают, применяясь к обстоятельствам, вкусам и пр., подвергая изменениям, преобразованиям. Источники, питающие детское языковое творчество, различны. В отдельных, не очень редких, случаях можно наметить и *книжные изводы*: «Маленькие дикари» **С.Томпсона** дают готовый язык и подражания ему (§ 4). «На крайнем севере» **Лонга** обогащает детский словарь, дав прозвища и обозначения, которые вошли составною частью в тайный язык (§ 4); то же приходится сказать про «Песнь о Гайавате» и о романах **Фенимора Купера**; **Аверченко** подсказал принцип или, правильнее, дал эмбрион оборотного языка (§ 24); кажется, через сочинения Мельникова-Печерского вошел в детскую среду тарабарский язык (§ 26); через сборник детских пьес вошел в обиход подражательный язык (§ 22).

Некоторые из тайных детских языков отличаются удивительной живучестью. Для одного имеем засвидетельствование его по меньшей мере шестидесятилетней давности (§ 19); нет оснований отказываться от мысли, что давность существования другого языка должно измерять по малой мере десятилетиями, разделяющими начало нашего столетия от времени пребывания в бурсе Помяловского (§ 23), и пр.

Некоторые из описанных детских языков имеют большое географическое распространение; см. § 5, 7 и др.

Каким требованиям должен удовлетворять искусственный, в частности, тайный язык, чтобы привиться в детском обществе, сохраниться и широко распространиться?

Требования эти (поскольку дело не касается тарабарского языка и argot) главным образом практического характера.

а) Прежде всего этот язык должен быть непонятным для непосвященных. Как только язык дешифрован, особенно взрослыми, немедленно его осложняют или совершенно оставляют, заменяя новым (§ 23): хорошая группа недаром владеет несколькими языками.

б) Он может и, чтобы возбудить интерес, должен быть сложным и трудным, но в меру — не настолько, чтобы им не мог овладеть круг детей и подростков, корпорация.

Пользуются предпочтительно тем языком, который в определенных обстоятельствах является

наиболее полезным, целесообразным. Меньший возраст обыкновенно пользуется языками более простыми — в меру сил и возможностей (§ 8, 13, 16). Восходя «от силы в силу», тонко овладевают более сложными и, значит, более трудными языками.

в) Строение языка должно обеспечивать *быстроту произношения*. Быстрота произношения преследует те же цели сокрытия тайны (§ 3, 8, 9, 23).

Она достигается выбором четких вставных слогов, помещением ударения в самом начале слова или определенной группы звуков или в конце; в середине слов ударение если и встречается, то очень редко.

г) К искусственному языку предъявляются и требования эстетического порядка: он должен быть звучным и ритмичным.

Звучность достигается или равномерным чередованием гласных и согласных, или преобладанием гласных (§ 4, 5, 17); или подбором звонких согласных (§ 19); во многих случаях наблюдается ассимиляция соседних или несоседних звуков — гармония гласных, состоящая в том, что гласные уткá частично или полностью уподобляются гласным основы (§ 4, 5, 10, 11, 23). Члены языковой общины, не лишённые «чувства языка», в затруднительных случаях умеют избежать всего неуклюжего, жесткого, мертвого, сухого в используемом языке (§ 6, 10, 13, 17, 23, 24). Повторение через определенные, иногда точные, промежутки времени одних и тех же тонко подобранных звуков и их комплексов нередко сообщает речи ритмичность. Косность неподвижных привычек и правил пользования словом преодолевается со смелостью, ничем не ограниченной, и радостью, не отравленной робостью и сомнением.

(При оформлении материала использованы иллюстрации **Б.Лебединского** к работе **Г.С. Виноградова** «Детские игровые прелюдии» (1927-29).)

Публикация и подготовка текста
Е.А. Ивановой

